

ЧУДОВИЩА С УЛИЦЫ ПУШКИНА

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
ЧУДОВИЩА С УЛИЦЫ ПУШКИНА

1. ДРАКОНЬЕ ЛЕТО

Драконье лето
Заповедник монстров

2. ПОПРОЩАЙСЯ!

Игра в куклы
Прощайся!

ПОПРОЩАЙСЯ!

Олег Кожин

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Иллюстрацию на обложке нарисовала
Дарья Стерх (Караверна @karaverna)

Кожин, Олег Игоревич.
К58 Попрощайся! / Олег Кожин. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Чудовища с улицы Пушкина. Городская мистика и ужасы).

ISBN 978-5-04-192278-8

В этом северном городе, стоящем на берегу озера, бок о бок с людьми живут древние и загадочные существа. Если посмотреть в окно одной обычной пятиэтажки, то увидишь двор, которого в реальности нет. Старая кукла, принесенная из леса, может оказаться опасным монстром. А поход с классом на экскурсию в пещеру — превратиться в хоррор-квест на выживание...

Олег Кожин — лауреат премий «Мастера ужасов», «Чертюва дюжина» и др. В книгу вошли повести «Игра в куклы» и «Попрощайся!» (НОВИНКА, печатается впервые). Это продолжение книги «Драконье лето», но ее можно читать и отдельно.

Рекомендуется читателям от 12 лет.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192278-8

© Кожин О., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ИГРА В КУКЛЫ

Ярик

Дорогу на дачу папа Гордеевых называл хребтом дракона. Всякий раз, когда их семейный фургончик подпрыгивал на очередном камне, папа поправлял очки и весело восклицал: «О! Новый позвонок вылез!» Но Ярик знал определенно — этот «позвонок» был здесь всегда. По крайней мере, с тех самых пор, как Ярик стал достаточно взрослым, чтобы занять собственные воспоминания. Он помнил каждый поворот, каждую развилку, каждую кочку, выдавленную неласковой карельской землей, и яму, прорезанную в здешней грунтовке колесами дачников. Фотографическая память, позволяющая запоминать учебники постранично, составляла в голове Ярика личный дорожный атлас. Только для папы это все равно оставалось чем-то вроде игры. «Оп-па! И еще один позвонок! Дракон-то сегодня ворочался!»

Раз в год-два после долгих споров на повышенных тонах дачный кооператив скидывался деньгами, и грунтовку утюжил трактор, срезал колеи, засыпал лужи загодя привезенным песком или отсевом. Вот только с камнями — здоровенными валунами, которые не просто торчали из дороги, а сами *были* дорогой, — ничего не могли поделаться ни стальной ковш, ни спрятанные под капотом без малого три сотни лошадей. Иногда Ярику казалось, что камни были здесь всегда. Как огромное озеро, темные воды которого цветом напоминали кока-колу. Как раскидистый дремучий лес, неизменно вызывающий в памяти подзабытое слово *заповедный*.

Как и то, что таилось там, в тени еловых лап, пряталось в густом кустарнике, неслышно скользило по дну, прорастающему кувшинками и камышом.

Ярик всегда чувствовал его среди листвяного шепота, молчания покрытых мхом камней и комариного звона. Присутствие таинственного, опасного осознавалось нечетко, на периферии сознания. Как осознавалось, к примеру, что в лесу водятся медведи, которых Ярик за свои без малого двенадцать лет не встретил ни одного. Единственное нехитрое правило — его Ярик заучил еще в детсадовском возрасте — позволяло надеяться, что не встретит и впредь. «Если ты не охотник, в лесу шуметь не только можно, но и нужно!» — говорил ему папа. «Зверь услышит и сам уйдет с дороги». И слышав, как где-то неподалеку, заполошно моло-

тя крыльями, взлетали вспугнутые кем-то птицы, Ярик принимался шуметь: шелестел палой листвой, хрустел валежником, на полную громкость включал музыку на мобильнике. Мог даже сам спеть. Вот только то, что хоронилось в узловатых корнях, каменных норах и буреломе, не боялось шума и само решало, когда показываться на глаза глупым двуногим, не осознающим, что они забрели в чужие владения.

Папа сосредоточенно крутил руль, не забывая отпускать дежурные шутки. На пассажирском кресле рядом с ним натянуто улыбалась мама. Изредка она оборачивалась, бросая через плечо рассеянный взгляд, но смотрела не на сына, вжимающегося в дверь, желая просочиться на улицу. На противоположном конце трехместного сиденья перехваченная ремнем безопасности расположилась тряпичная кукла: круглая плоская голова размером с половину туловища, рыжая пакля волос, деревянные пуговицы вместо глаз, прочерченная грубыми стежками улыбка и тонкие, макароноподобные конечности из веревки.

Вчера мама с папой принесли ее из леса вместе с полными корзинами грибов. «Прелесть какая! Леночка будет в восторге!» — ворковала мама, будто позабыв, что Леночке уже давно не четыре, а все четырнадцать.

Ярик стискивал зубы и кулаки, чтобы не закричать или, того хуже, не расплакаться. Фургончик подпрыгивал на «драконьих позвонках» так, что пассажиров

подкидывало довольно ощутимо. Только кукла сидела недвижимо, тяжелая, точно громадный валун. И взгляд, которым она сверлила Ярика, был такой же — тяжелый. Каменный.

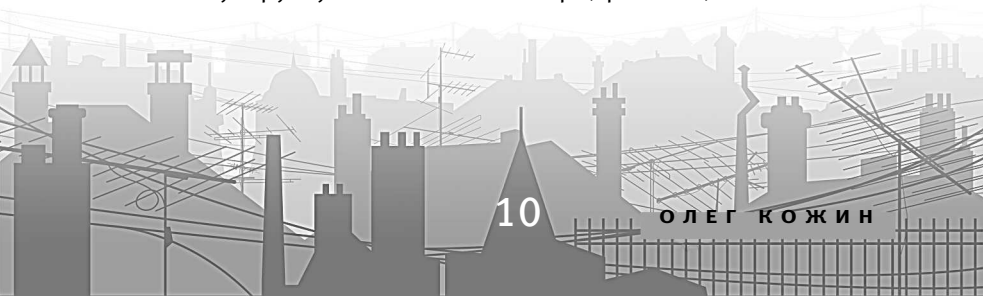
Гордеевы возвращались в Петрозаводск и везли *это* с собой.

* * *

Домой на пятый этаж Ярик не просто поднялся — взлетел! Схватил первые попавшиеся сумки и побежал, перепрыгивая через две ступеньки, только бы родители не заставили нести куклу. Уже на третьем этаже, пыхтя и отдуваясь, Ярик начал злиться на свой иррациональный страх — ну подумаешь, тоже мне: старая девчачья игрушка! — но стоило вспомнить деревянные пуговицы, пришитые к тряпичному лицу суровыми нитками, как даже белым днем по спине скатывалась тающая ледышка.

Родители неторопливо разгружали фургончик, и папа навьючивал на себя рюкзаки, пакеты и ведра, «чтобы два раза не ходить». Спуститься и помочь даже мысли не возникло. Ярик точно знал: будь там хоть холодильник, хоть здоровенный шкаф, хоть триста корзин с грибами — папа понесет все сам. Все, кроме куклы. Родители всучат ее Ярику и будут улыбаться бездушными резиновыми улыбками, невпопад бормоча, как обрадуется Леночка.

Кстати, о Леночке... Ярик локтем надавил на дверную ручку — так и есть: сестра, раззява, снова забы-

ла закрыть замок! Поднимись первым кто-нибудь из родителей — не миновать Ленке серьезного разговора. Оттого что сестра избежит взбучки, Ярик даже испытал сожаление. Впрочем, облегчение, которое нахлынуло на него в родных стенах, оказалось куда сильнее. Может, родители забудут куклу в машине? В самом деле, не потащат же они ее домой! Но вспоминая взгляд, который мама всю дорогу не сводила с находки, понимал: потащат.

Наступая носком одной ноги на пятку другой, Ярик стянул кроссовки. Из пакетов шел густой грибной дух, аромат сырости и земли. Протяжно вздохнув, Ярик поудобнее устроил тонкие режущие ручки пакетов в ладонях. Коридор изгибался буквой «Г», поворачивая на кухню. Ярик шагнул за угол и...

...Нос к носу столкнулся с призраком. Бледное лицо вытянулось, в глубине запавших глаз молнией сверкнул ужас. Взметнулись скрюченные пальцы с черными ногтями. Ярик выронил пакеты, и они с призраком испуганно заорали друг на друга.

— Придурок! — крикнул «призрак», хватаясь за сердце и сползая по стенке на пол. — Разве можно так пугать?!

— Двери закрывать научись! — скрывая дрожь в голосе, рявкнул в ответ Ярик.

Только сейчас он расслышал летящие из кухни меланхоличные завывания Тило Вольффа. Ленка вновь гоняла по кругу свою любимую «Лакримозу». Старшая сестра продолжала распекать Ярика, но тот уже

протопал в кухню и по-хозяйски захлопнул крышку ноутбука.

— Совсем оборзел?! — взвилась Ленка.

— Мама с папой сейчас будут, — буркнул Ярик. — Лучше порядок наведи.

Ленка охнула и заметалась подбитой птицей: в одном крыле телефон, вторым собирает с пола разбросанные вещи. Злорадно хмыкнув, Ярик пристроил пакеты на столе возле раковины. Из гостиной долетал топот и пулеметное «блин-блин-блин!». Ленка то ропливо подчищала следы своего двухдневного одиночества. По какой-то причине родители вернулись часов на шесть раньше, чем должны были. Точнее, Ярик знал, по какой причине, но думать о ней не хотел. Механически наполнил водой чайник, зажег плиту, достал и нарезал колбасу. И только после этого, чувствуя себя дряхлым, разбитым стариком, устало опустил на стул. Пережитый в машине ужас подмял, навалился так, что коленки подогнулись.

На самом деле Ярику до чертиков хотелось обнять сестру. Выпалить все, поведать страхи и тревоги и чтобы Ленка, вредная Ленка, обняла его в ответ. Как раньше, когда трехлетний Ярик пугался зимнего ветра, воющего в вентиляции. Или в пять лет, когда боялся оставаться дома один. И даже в семь, когда робел дать сдачи драчуну-однокласснику. Не мама, не папа — именно Ленка находила нужные слова, излечивающие детские страхи.

«Из трубы? Воет? Вот класс! Пошли тоже повоем!»

И они шли на кухню и дуэтом выли в решетку вентиляции. А мама, смеясь, спрашивала, что за концерт они устроили, и Ленка отвечала, что Ярик теперь маленький волчок! И Ярик радостно повторял: «Маенький вайтек! Маенький вайтек! Ау-у-у-у-у-у!»

«Страшно?! Серьезно, дома одному страшно?! Эх, вот бы мне одной дома побыть! Вечно то с родителями, то с тобой!»

И Ленка дружески подталкивала брата ладонью в плечо и тащила его на «экскурсию по дому», каждый раз открывая в их четырехкомнатной квартире новые «достопримечательности». Знал ли Ярик до нее, что в шкафу можно спать? Знал, наверное, но именно Ленка научила его стягивать с полки старое одеяло и делать из него уютное гнездо. Это она научила его играть в «пол — это лава», по секрету поведала страшную тайну, как достать до верхнего ящика, где хранится стратегический запас конфет, и научила избавляться от улик-фантиков. Тайну эту Ярик самым позорным образом слил уже через неделю, и конфетный банк перебрался в другое место, но так было даже интереснее. Оставаясь дома один, Ярик сам искал сладкие сокровища, не забывая про то, что пол, конечно же, лава.

«Кто-о-о-о?! Вот этот шкет?! Ну и что, что он выше тебя? Мы Гордеевы, Ярик! А значит, гордые. И никому не позволим себя обижать!»

И Ярик шел, сжимая кулаки и хмуря брови, глядя на высокого задиру снизу вверх. А потом с опухшей

скулой сидел в кабинете директора, словно сквозь вату слушая ее глубокий грудной голос: «Любой конфликт можно решить словами, Ярослав! Словами, а не кулаками!» И потирал саднящие костяшки, украдкой поглядывая на противника, который, закинув голову, прижимал к расквашенному носу ватные тампоны. И бурчал так, чтобы слышали только папа и мама, прячущие улыбки за нарочито серьезными лицами: «В следующий раз я ему еще не так наподдам!».

А теперь на двери Ленкиной комнаты висит распечатанный треугольник со значком радиоактивной опасности и надписью на английском: DON'T ENTER! PRIVATE PROPERTY. Английский Ярик начал учить только во втором классе, но ему казалось, что суть этой надписи он стал понимать гораздо раньше. «НЕ ВХОДИТЬ! ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ». Звучит так, будто в комнате тебя поджидает свора доберманов и с десятком охранников в темных очках. Только на деле все еще хуже. Для Ярика эта надпись уже давно означала «СО СВОИМИ ПРОБЛЕМАМИ РАЗБИРАЙСЯ САМ. И НЕ ТРОГАЙ МОИ ВЕЩИ!».

Хлопнула дверь. В прихожей затоптали, зашумели родители. В кухню, пыхтя, ввалился папа, нагруженный так, что и у Халка бы ноги подкосились. Краснолицый, взмокший, в запотевших очках, он принялся сбрасывать с себя рюкзаки, корзины и сумки, а вошедшая следом мама начала ловко раскидывать вещи по шкафам. Вроде все как обычно, да только Ярик видел: не все.

Механические движения родителей навевали мысли о муравьях или пчелах. Они не разговаривали, не переругивались шутивно. Папа не пытался на ходу состряпать себе бутерброд, а мама не проверяла кастрюли, интересуясь, чем питалась дочь в их отсутствие. И кукла. Чертова кукла с по-кукольному бесстрастным лицом уже сидела на стуле, невинно откинувшись на спинку. Дома, среди знакомых стен и родных запахов, исходящая от нее жуть слегка ослабла, будто скользкие черные щупальца втянулись, затаившись и изучая новый ареал.

«Ты меня не обманешь, — подумал Ярик, наблюдая за куклой краем глаза. — Я за тобой слежу!»

Стирая остатки готического макияжа, в кухню, ставшую вдруг маленькой и тесной, втиснулась Лена. Поздоровалась. Обреченно закатив глаза, стоически пережила рассеянный мамин поцелуй и папины объятия. Несмотря на духоту, Ярик покрылся холодным потом. Вот сейчас. Сейчас все случится. Родители сунут Ленке неожиданный презент, и сестра закричит, заверещит так, что полопаются лампочки. Она же девочка, она даже пауков боится до обморока. А эта кукла... она омерзительнее, чем сто тысяч пауков. Кошмарнее, чем самая скользкая ядовитая гадина. И родители наконец-то осознают, *что* они притащили домой из леса, и избавятся от этой дряни.

В унисон его мыслям мама вскинулась, выскользнула из транса:

— Леночка! Смотри, какое чудо мы нашли!